

Эдуард
Успенский

КРАСНАЯ
РУКА,
ЧЁРНАЯ
ПРОСТЫНЯ,
ЗЕЛЁНЫЕ
ПАЛЬЦЫ

СТРАШИЛКИ

Эдуард Николаевич Успенский
Красная Рука, Черная
Простыня, Зеленые Пальцы
Серия «Страшилки»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137172

*Э. Н. Успенский. Красная Рука, Черная Простыня, Зеленые Пальцы:
ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-122382-3*

Аннотация

Красная Рука, Черная Простыня, Желтый Глаз и другие подобные сущности лучше всего себя чувствуют в детских учреждениях – школах и летних лагерях. И это объяснимо: там для них создается исключительно благоприятная атмосфера. А вот милиция против них совершенно бессильна, потому как нагана нечисть не боится. Чего она боится, берется выяснить молоденький стажёр Виктор Рахманов. Ох и натерпится он страха!

Для среднего школьного возраста.

Содержание

ЧП в пионерском лагере	5
Первые шаги Рахманина	10
Сбор сведений	12
Письма, пришедшие в «Пионерскую зорьку»	15
«Покровская правда»	20
Покровские страсти	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эдуард Успенский Красная Рука, Черная Простыня, Зеленые Пальцы

© Успенский Э. Н., насл., 2020

© Ил. на обл., Лапшина Д. Ю., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

ЧП в пионерском лагере

Однажды в конце июля в пионерском лагере под Голицыном нашли задушенного мальчика. Он лег спать, как и все другие ребята, в палате на двадцать два человека. Но утром не проснулся, не побежал на зарядку как все, а остался лежать в своей кровати в углу тихенький и дохленький.

Вызвали милицию. Милиция начала спрашивать:

– Кто заходил в палату?

– Кто залезал ночью в окно?

– С кем был в ссоре задушенный мальчик?

Оказалось, что в палату никто не заходил, дверь была заперта на ключ. В окно никто не залезал, так как оно было на втором этаже. И задушенный мальчик ни с кем никогда не ссорился, а был тихий и бесполезный, и еще он был какой-то запуганный.

Все люди на территории, и взрослые, и дети, ходили грустные и подавленные. Начальник лагеря говорил следователю зеленгородской милиции капитану Матвеенку испуганным голосом:

– Вы можете надо мной смеяться, но я уверен, что это Красная Рука.

– Кто, кто? – спрашивал хитроглазый и толстый капитан. – Какая еще Красная Рука?

– А такая, которая прилетает по ночам.

– Никогда не слышал. Глупости это.

– Никакие не глупости. Я двадцать лет работаю начальником лагеря. И в «Артеке» был, и в «Орленке», и еще кое-где. И много раз слышал, что ночью в окно стучится Красная Рука, потом залетает в палату и кого-нибудь душит. А еще есть Черная Простыня. Она набрасывается на ребенка, закутывает и не дает дышать, пока он не умрет. И этого не знаете?

– Не знаю, – ответил Матвеевко.

– А еще есть Зеленые Пальцы. Они защекочивают до смерти...

– Знаете что, – перебил его усатый капитан, – я уже не в том возрасте, чтобы сказки слушать... Да и некогда мне. Но вот у меня сейчас студент один есть на практике. Он юрист, будущий следователь – Виктор Рахманин. Я его к вам подошлю, вы ему все и расскажите. Договорились?

И он пошел дальше заниматься делом: снимать пыль с подоконников, опрашивать свидетелей, осматривать задушенного мальчика.

Практикант Рахманин явился на следующий день.

– Товарищ начальник, я вас очень внимательно слушаю.

Рахманин был высок ростом, плечист, как шкаф, и очень легок в движениях.

Директор походил по своему летнему кабинету и спросил:

– А вы смеяться надо мной не будете?

– Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

– Тогда слушайте. Это случается почти каждое лето то в

одном, то в другом лагере. Вдруг мальчик пропадет, вдруг найдут девочку без дыхания. Ищут, ищут, кто это сделал, и не находят. А ребята потом рассказывают, что над лагерем летала Черная Простыня, что она пыталась пролезть в одну палату, потом в другую, но ее спугнули. Или говорят, что видели Красную Руку, летавшую за окном, она страшная и светится.

Когда начальник говорил «Черная Простыня» или «Красная Рука», он произносил эти слова с почтением, как если бы говорил «Верная рука – Друг индейцев» или, например, «Соколиный Глаз».

– Интересно, – сказал Рахманин.

– А знаете ли вы историю про Красное Печенье? Или про Красное Копыто? Или про Гроб на Колесиках и Хозяина Кладбища?

– Никогда не слышал эти прелестные истории.

– Не очень-то они прелестные, – грустно отметил начальник, – и, как мне кажется, все они из одного чемодана.

– Расскажите хотя бы одну, – попросил Рахманин.

– Пожалуйста. Какую?

– Про Гроб на Колесиках.

– Хорошо, слушайте. Жила-была девочка у мамы. Однажды она осталась одна. И вдруг по радио передают: «Девочка, девочка. Гроб на Колесиках выехал с кладбища, твою улицу ищет. Прячься». Девочка испугалась, не знает, что делать. Мечется по квартире, хочет маме по телефону позво-

нить. А в телефон говорят: «Девочка, девочка. Гроб на Колесиках нашел твою улицу, он твой дом ищет». Девочка пугается страшно, все замки запирает, но из дома не убегает. Дрожит. Радио снова передает: «Девочка, девочка. Гроб на Колесиках твой дом нашел. В квартиру едет...» И так далее. Короче, когда мама домой приходит, она находит девочку неживой. Только во рту одно колесико какое-то... Как вам это нравится?

– Мне это совсем не нравится, – сказал Витя Рахманин.

– А вы верите в то, что я рассказываю?

– Конечно, – ответил Рахманин. – Есть такое правило: во время следствия верить всему, что говорят, а потом надо проверять факты. Только вы об этих историях больше никому ни слова, чтобы нам с вами однажды не проснуться с колесиками во рту.

– Или с рукой на шее, – шепотом добавил начальник.

– Послушайте, – спросил Рахманин, – но если Красная Рука светится, ее же люди должны замечать. Сколько людей ночью по лагерю бродит: и сторожа, и вожатые, и ребята, которым в туалет приспичило. Вон и собаки есть у вас в лагере.

– Я и сам об этом думал, – сказал начальник. – Может быть, эта рука не всегда светится, а только тогда, когда на дело выходит. То есть уже у самого окна.

– А она при этом не раскаляется?

– Не знаю. Кажется, нет. По крайней мере ожогов на шее у жертвы обычно не бывает.

– Ладно, – сказал следователь-практикант Рахманин. – Я должен сперва все обдумать и составить план. Завтра я к вам обязательно зайду. Мы с вами нанесем на карту все такие случаи и узнаем, где эти силы гнездятся. И у меня наверняка возникнут новые вопросы.

Новые вопросы не возникли. Когда Виктор Рахманин пришел в пионерский лагерь на следующий день, ему сказали, что начальник утром не проснулся. Он был задушен Красной Рукой.

Дети и родители покидали лагерь.

Первые шаги Рахманина

Рахманин пулей полетел в зеленгородскую милицию к капитану Матвеевко. С порога он спросил:

– Что мне теперь делать? Какие будут указания?

– Такие же. Заниматься этим делом. – Капитан уже все знал.

– Красной Рукой, товарищ капитан?

– И Черной Простыней, и другими.

– Товарищ Анатолий Петрович, но ведь это же бред!

– Для обычного сотрудника милиции это бред, – согласился хитроглазый капитан, – а для студента-практиканта это замечательная возможность проверить сумасбродную идею, фантастическую версию. Так что действуйте, проверяйте.

«Один уже допроверялся! – хмуро подумал Рахманин. – Получил Гроб на Колесиках!»

Он на секунду представил себя самого всего в цветах рядом с начальником лагеря. Но спорить и отказываться не стал. Он вышел на залитый солнцем двор зеленгородской милиции и, меряя его длинными сильными ногами, рассуждал: «Капитан говорит, что это будет проверка версии, а версии-то у меня и нет. Сначала надо ее составить. И так, чья это рука?.. Чьи это пальцы?.. И кому принадлежит эта чертова простыня?»

Он шагал, шагал и шагал. После того как он прошагал по

двору по крайней мере от Зеленгорода до Наро-Фоминска, у него возникло несколько версий. Точнее говоря, три.

Версия первая. Красная Рука, Черная Простыня и Зеленые Пальцы – это пришельцы из космоса. Может быть, роботы, может быть, инопланетные существа. Они убивают детей либо из научных целей, либо из военных, либо из энергетических.

Версия вторая. Эти существа – представители дьявольских сил. Так сказать, руки Дьявола, Фантомаса. Они убивают детей из соображений религиозных. Допустим, будущих праведников, будущих крупных деятелей церкви, которые могут нанести большой урон дьявольщине, человеческим порокам.

Версия третья. Это какое-то случайное порождение, случайные сгустки материи, живущие сами по себе. Каприз природы, наделенный случайным разумом и случайными задачами.

«Так или иначе, перво-наперво надо собрать статистику. Со статистики начинается любая научная работа, любая научная статья, любая мало-мальски серьезная диссертация».

На этом поход Зеленгород – Наро-Фоминск – Зеленгород по двору зеленгородской милиции был закончен.

Сбор сведений

«Внимание! Внимание! В эфире «Пионерская зорька»! Продолжаем нашу передачу. Переходим к вашим письмам, ребята. Ребята из города Юрьева-Польского прислали нам такое письмо: «Дорогая редакция! В день сбора металлолома наши мальчишки собрали огромное количество этого металла, чрезвычайно нужного стране. И весь этот чрезвычайно нужный металл уже два месяца ржавеет на площадке перед школой. Уже два младшеклассника подвернули на нем ноги, и туда постоянно закатываются шарики от пинг-понга. Просим нам помочь». Так вот, наш корреспондент побывал в Юрьеве-Польском и сам увидел эту картину. Представители «Вторчермета» города объяснили, что металл в основном состоит из крупногабаритных труб увеличенной длины – 20 метров.

Что «Вторчермет» не имеет транспортных средств, позволяющих отвезти эти ценные изделия на переплавку. Спрашивается, откуда же в городе появились эти трубы? А вот откуда. В Юрьев-Польский проводили природный газ, и труб завезли намного больше, чем требовалось. Недобросовестные строители разбросали лишние трубы и обрезки по всему городу. Наш корреспондент позвонил в соседний город Симу (кстати, в этом городе находится могила великого русского полководца Багратиона), и председатель горсовета то-

варищ Куксов сказал, что немедленно заберет все до одной трубы, так как они совершенно необходимы для газификации Симы. А взамен пришлет ребятам из Юрьева-Польского компьютер «Роботрон», изготовленный в Германской Демократической Республике.

Переходим к следующему письму. Нам пишут мальчики и девочки из средней школы села Лыченцы Переславского района: «Мы еще в пятом классе завели на пришкольном участке корову. А сейчас мы заканчиваем школу и хотели передать корову ребятам из девятого класса. Они говорят: «Не надо нам вашей коровы». Как нам быть?» Отвечаем. Дорогие ребята, когда вы заводили корову, вы были совсем маленькими. И вам было интересно самим выращивать такое ответственное животное. У ребят из девятого класса, наверное, сложились свои, другие интересы. Попробуйте предложить вашу корову младшеклассникам. Нам кажется, они с удовольствием её примут. А если они откажутся, передайте, пожалуйста, вашу корову Кирекшанскому детскому дому. Мы уже говорили по телефону с директором этого дома Александром Павловичем Молоко, он говорит: «Давайте». Так что давайте, ребята... И последнее, третье письмо. Пишет нам Рахман Виктор. Его письмо оказалось настолько неожиданным для нас, что мы долго не решались передать его в эфир. «Дорогая редакция! В нашем пионерском лагере было страшное событие – на нас напала Красная Рука. Она задушила одного мальчика. А на другой день она задушила

начальника лагеря, и ее не поймали и не наказали. А в соседний лагерь прилетала Черная Простыня и задушила там другого мальчика до смерти. Скажите, а к вам прилетала Красная Рука? И если она задушила кого-нибудь, дайте его адрес. Давайте делиться опытом». Дорогие ребята, что можно ответить Рахману Викторову? Прилетал ли к вам кто-нибудь? Напишите нам, а мы передадим письма этому любознательному мальчику, пусть он успокоится».

Но успокоиться «любознательному мальчику» не пришлось. Письма, которые передали Виктору Рахманину из редакции, отнюдь не напоминали успокоительные таблетки.

Письма, пришедшие в «Пионерскую зорьку»

«Дорогая «Пионерская зорька»! Ты спрашиваешь, прилетал ли кто к нам в лагерь и душил ли кого-нибудь. Я должен тебя огорчить – к нам в лагерь никто не прилетал и никого не душил. К нам только приезжал писатель Ляпин, и нам сказали: «Кто будет себя плохо вести, останется на встречу с писателем». Твой постоянный друг Андрей Качев. Немного о себе. Я учусь в седьмом классе. До свидания».

«Дорогая редакция, ты спрашиваешь, была ли у нас Красная Рука. Да, была и не одна. Мы были в пионерском лагере под Вышним Волочком, около кладбища. Мы ночью спали, а один мальчик как закричит. И мы увидели, что над ним летает Красная Рука. Она светилась. Мы все тоже закричали. Рука подлетела к форточке и убежала. С ней был маленький ручонек. На другой день мы позвали спать в палату водителя, и Рука больше не прилетала. Твой постоянный слушатель Саша Шпеер. Город Торжок. А еще над нашим городом видели летающий Желтый Глаз».

«Здравствуй, «Пионерская зорька»! Я живу хорошо. Ты спрашиваешь, не прилетала ли к нам Красная Рука. Я про нее ничего не знаю. Лучше я тебе расскажу про Красное Пятно. У нас в городе одна семья получила новую квартиру. А

там было красное пятно на стене. Его не успели замазать. И вот утром девочка видит, что мама ее умерла. А пятно стало еще ярче. На другой день ночью девочка спит и чувствует, что ей очень страшно. И вдруг она видит, что из красного пятна высовывается рука и тянется к ней. Девочка испугалась, написала записку и умерла. Потом пришла милиция и ничего не нашла. Один милиционер выстрелил в красное пятно, и оно пропало. А потом милиционер пришел домой и видит, что у него над кроватью на стене появилось красное пятно. Он ночью спит и чувствует, что кто-то хочет его задушить. Он стал стрелять. Прибежали соседи. Видят: милиционер лежит задушенный и никакого пятна нет».

Практикант Рахманин подумал в этом месте: «Ничего себе, вот и милиционер доигрался. Кстати, а нам на практике положено выдавать пистолеты? Мы ведь тоже милиция».

Он стал читать дальше:

«Так что, дорогая редакция, присылай к нам корреспондента. У нас весь город об этом знает. Вы всё запишете на магнитофон, и это будет интересно всем ребятам. Я – Леша Яковлев из г. Покровска».

Следующее письмо было про Красное Печенье.

«Дорогая «Пионерская зорька», мы хотим рассказать тебе про Красное Печенье. Нам очень страшно про это рассказывать, но сейчас день, и мы в это не очень-то верим.

У одних девочек была мама, а папы не было. И к маме часто приходили гости. Они с мамой веселились всю ночь

и уходили. А дети ничего этого не помнили, потому что им вечером мама давала Красное Печенье, и они все забывали. И еще у них было пианино красное.

Однажды они играли на пианино, нажали кнопочку, пианино отъехало, и открылся ход. Дети туда спустились, там был подвал со светом, и там сидели дядьки без голов и Красное Печенье делали из их мозгов. И тогда все забывалось. Дети позвали милицию, и она всех арестовала.

Дорогая «Пионерская зорька», расскажите об этом по радио, чтобы ребята не боялись. Мы не знаем, в каком городе это было. Пожалуйста, не называйте наши фамилии по радио: Муравьев Алик, Сердюкова Оля, Маслова Валя и Глазырина Катя».

Было и такое письмо:

«Дорогая редакция!

Исполни для нас нашу любимую песню «У московских студентов горячая кровь». Группа вампиров».

И такое:

«Зачем вы морочите голову нашим детям и только пугаете их? В наш век и так хватает ужасов, всяких нитратов и радиации. А напоследок я скажу, только не для детей, а передайте это ученым. Что у нас в городе очень часто видели голову Зеленого Козла. Она заглядывала в окна. Она размером с корыто. Но некоторые утверждают, что это не голова Зеленого Козла, а летающий Зеленый Череп. Если ученые заинтересуются, я укажу людей, которые точно это видение

видели.

Уполномоченный райкома на пенсии Куценков Андрей Андреевич. Город Лихославль».

В последнем письме рассказывалась история о Стекло-ной Кукле, которая водила девочку – свою хозяйку в подземный город и грозила девочку убить. Но письмо было написано таким дурным и кривым почерком, что, кроме отдельных слов и полупредложений, выудить оттуда ничего было нельзя.

«Продавцы сказ... что это образец... Девоч... несколько дней просила... Куклу... принесли... Она вышла из шкафа... Большая... (Целых три корявые и непонятные строки.) Запасные части из де... (То ли запасные части из дерева, то ли из детей?) Девочка испугалась... умерла к...ла не разбилась... Исчезла».

По штампу Рахманин понял, что письмо из Калининской области.

Со всеми этими письмами Рахманин пришел к капитану Матвеевко.

– Вот посмотрите. Кажется, все проясняется.

Капитан прочитал письма, что-то в них подчеркивая карандашом, и сказал:

– Боюсь, наоборот, кажется, все затуманивается. Что ты хотел бы предпринять?

– Командируйте меня в Покровск.

– А что мне написать в командировке? – спросил Матве-

енко. – «Командируется для задержания Красной Руки»?

– А почему бы и нет?

– Потому что меня и так за ненормального держат, – сказал капитан. – Меня только высокий процент раскрываемости и спасает. Не хватало мне теперь дело против Красной Руки возбудить... По подозрению в убийстве. Ладно. Мы по-другому сделаем. Там комиссионный магазин есть. Вот мы и пошлем тебя посмотреть, не проходил ли по их бумагам серебряный самовар из имения Апраксиных. Мы его уже полгода разыскиваем. Понял?

– Уразумел.

– Вот и поезжай.

«Покровская правда»

В Покровске Рахманин первым делом зашел в местную газету.

– Кто у вас тут заведует отделом происшествий?

– Никто.

– А молодежным отделом?

– У нас такого отдела нет.

– А с кем можно поговорить из начальства?

– С ответственным секретарем, с Катериной Ивановной.

Вы ее знаете? – спросила рыжая девочка-машинистка. – Ее фамилия Варич.

Катерина Ивановна очень обрадовалась москвичу и сразу сказала:

– Зовите меня просто Катя! – Хотя ей было заметно ближе к пятидесяти, чем к тридцати.

Рахманин показал ей письмо в «Пионерскую зорьку» и спросил:

– Что вы об этом скажете?

– Да... У нас весь город об этом говорит. Мы даже заметку об этой истории приготовили.

– Напечатали?

– Нет, – ответила Катя Варич, – секретарь райкома запретил, Иванцов.

– Почему?

– Он сказал: «У нас с картошкой в этом году скандал, нам только еще Красного Пятна не хватало».

– А что, большой скандал с картошкой?

– Обыкновенный. Никакой картошки.

– Можно заметку прочитать?

– Если я найду. Только особенно об этом не распространяйтесь.

Она порылась в ящиках стола и протянула Рахманину гранки. Рахманин с интересом начал читать:

«Трагические происшествия в Никольской слободе.

Издавна дурной славой пользуется старое Никольское кладбище в нашем городе. Еще в старых летописях сообщалось, что иногда с кладбища доносятся страшные крики и там мечутся красные огни.

Недавно семья Крючковых получила новую квартиру в Никольской слободе. В старом доме, в доме, перенесшем капитальный ремонт. Семья Крючковых состояла из мужа и жены – рабочих Большехима. Причем муж был начальником участка микропленки. Это была обычная трудовая семья, каких тысячи в нашем городе. Они стояли в очереди на жилье много лет, а до этого жили в обычном коммунальном бараке. У них были девочка Люся и сын Вася десяти лет.

Когда семья переехала в новое жилище, Наталья Николаевна – жена семьи Крючковых – первая обратила внимание на большое красное пятно на стене.

– Смотри! – сказала она мужу.

– Подумаешь, – ответил он, – строители бутылку вина пролили.

Но однажды утром через несколько дней Николая Николаевича нашли на кровати убитым. Он был мертв и чрезвычайно бледен. А пятно на стене стало еще ярче.

Многие утверждали, что он пил каждый день неизвестно что и это свело его в могилу. Но чего не скажут злые языки про человека, который работает на большом химическом предприятии и имеет доступ к спирту.

Девочка Люся рассказывала, что видела, как ночью из красного пятна высунулась рука и долго думала, кого бы задушить. Потом напала на главу семьи.

Через некоторое время та же судьба постигла мать двух сирот. Сын Вася говорил соседям:

– Мама и папа часто пили по вечерам и шатались. Однажды ночью из красного пятна высунулась красная рука и стала трясти маму. Наутро она умерла. Я очень боюсь красного пятна.

Пятно, по утверждению соседей, с этого дня стало еще ярче.

Через некоторое время это пятно перекочевало в квартиру следственного работника Василенко, который проводил осмотр квартиры Крючковых. А еще через некоторое время он тоже трагически погиб в своей постели. После его гибели пятно исчезло. Соседи утверждали, что видели красную руку, вылетающую из его окна.

Хотелось бы, чтобы представители науки и милиции занялись этими чрезвычайными происшествиями, которые буквально потрясли наш город.

Дети помещены в Кирекшанский детский дом».

– А что еще об этом говорят? – спросил Рахманин Катю Варич.

– Что это Пятно не оставляет в живых никого, кто его видел. Что оно выпивает всю кровь. Что там, где бывает Пятно, всегда видят Зеленого Человека.

– Какого еще Зеленого Человека?

– Такого, как тень. В общем, всякую чертовщину говорят.

– А где это ваше Никольское кладбище?

– Прямо против Большехима. Его собираются сносить.

– А где у вас городская милиция?

– От нас через два дома налево.

– Спасибо, – сказал Рахманин. – И последний вопрос: где здесь комиссионный магазин?

– Он чуть дальше милиции. Только там ничего нет. Одни старые самовары.

– Мне как раз самовары и нужны, – сказал Рахманин, уложил гранки в записную книжку, попрощался и вышел на узкую, сверкающую побеленными домами главную улицу.

Самовар волновал его только для проформы.

Пойду в милицию, решил он. Может быть, там кто-нибудь есть из Московского университета.

В милиции не было ни души – как при коммунизме.

Тогда Рахманин зашел в комиссионку. Он долго осматривал самовар за самоваром, каждый раз приводя в ужас директрису магазина товарищ Мыльникову. Искомого самовара даже близко не было.

Рахманин начал копаться в документах: не проходил ли где серебряный самовар Фаберже из усадьбы Апраксиных? Дело было затяжное и неприятное. Он сидел и добросовестно изучал бумаги.

Его удивило одно обстоятельство. Несколько раз по ведомостям проходило старинное пианино фирмы «Блютнер». Почти каждый год его покупали и снова продавали через комиссионный магазин.

– Простите, как вас зовут? – спросил Рахманин.

– Светлана Ильинична, – ответила Мыльникова.

– Светлана Ильинична, а что это пианино дважды в год продают? Может, оно бракованное, со скрытым дефектом?

– Вот точно, – сказала Мыльникова, – со скрытым дефектом. В какой дом ни попадет, одни неприятности приносит.

– А где оно сейчас? Не в магазине, случайно? Можно на него взглянуть?

– Слава Богу, сгорело... вместе с Дворцом культуры.

– А какие же неприятности оно приносило?

– Да какие хочешь! Купил его председатель горсовета Дикой, через месяц у него сына за торговлю иконами посадили.

Рахманин только подивился связи между этими совершенно различными событиями.

– А потом и его самого сняли, – продолжала Светлана Ильинична. – Купила его Перевертова из Потребкооперации, так на нее письмо пришло из Владимира, что она половину товаров на рынке налево продает. Посадили. Как вам это нравится?

– Мне это никак не нравится, – ответил Рахманин, чтобы поддержать разговор, хотя в глубине души он явно одобрял действия пианино. Чем больше жуликов будет посажено, тем лучше.

«Этому бы пианино, – подумал он, – впору погоны приделать и звание давать. Например, пианин-лейтенант».

Но, оказывается, пианино доставляло неприятности не только социально недостойным людям, но и честным.

– Начальник милиции его купил, Селезнев, – продолжала Мыльниковна. – Так он в аварию попал. А уж такой был человек хороший.

– Не думаю, – возразил Рахманин. – Откуда у хорошего человека деньги на старинное пианино? У честного человека и оклад честный – небольшой.

– Да к тому времени это пианино копейки стоило! Его никто брать не хотел! Оно у нас в магазине в последний раз трижды уценялось. А наша сторожиха тетя Поля без пол-литра на ночь ни за что оставаться не хотела при этом пианино, пока мы его не продали.

– Это-то почему?

– Потому что на нем по ночам Белые Перчатки музыку

играли.

– Какие Белые Перчатки? – удивился Рахманин. – Откуда они взялись?

– Поди узнай, – сказала Мыльникова. – То ли в окно прилетали, то ли внутрих прятались. Только играли старинную музыку, в основном траурную... Какую-то черную музыку.

– Странно, – произнес Рахманин.

– Конечно, странно, – согласилась Мыльникова. Ей, безусловно, нравилось, что милиционер-практикант отошел от самоварно-торговой темы на суеверно-бытовую. – Уж после Селезнева-то это пианино вообще отказались покупать. Вот его по безналичному расчету и продали во Дворец культуры.

Рахманин подивился такому странному обстоятельству: продаже товаров по безналичному расчету через комиссионный магазин. Но вникать не стал, не за этим приехал. Если уж это социально-разоблачительное пианино не стало карать Мыльникову, зачем вмешиваться в ее безналично-комиссионные дела?

Он поблагодарил директрису и пошел в милицию отмечать командировку.

В милиции уже гудел народ. Дежурный лейтенант Малиниченко отметил ему прибытие и спросил:

– Надолго?

– Не знаю. Как получится. Скажите, а есть тут у вас кто из Московского университета?

– Я из Московского университета.

– Как тебя зовут?

– Валерий.

– А меня Виктор. Слушай, что ты об этом думаешь? – Он протянул Малинниченко гранки и письмо в «Пионерскую зорьку».

Малинниченко обстоятельно, как все милицейские, стал читать. Прочитал, еще раз пробежал глазами и сказал:

– По-моему, ерунда. Я в детстве много слышал таких баек. Красная Рука, Черная Простыня... Сейчас еще Летающий Шприц появился... наркоманов убивает. Люди по своей темноте верят во что угодно.

– А ты по своей темноте ни во что не веришь! – раздался вдруг еще один голос. Оказалось, что в дежурке был еще один милиционер. Он был толст, но не противной такой толстотой, а младенческой, пухловатой. И еще он был черняв и ироничен. – Я тоже из Московского университета. Дайте мне почитать, что вы ему давали.

Он внимательно прочитал заметку и письмо и сказал:

– А я в это верю. Смотрите, – он показал на карту города, висевшую над головой дежурного, – вот имение Осиповых около Никольского кладбища. Отсюда вся нечисть и идет. И между прочим, фамилия Ваньки Каина была Иван Осипов Каин.

– А кто это такой? – спросил Малинниченко.

– Мне кажется, ты не Московский университет кончал, а Тмутараканский. Как же можно Ваньку Каина не знать? –

улыбнулся толстяк.

– А ты знаешь? – спросил Малинниченко у Рахманина.

– Знаю. Был такой вор и убийца при Екатерине Второй. Потом он в полиции служил. Так сказать, создатель отечественной мафии.

– Все верно. И если это имение поставляло таких страшных людей, как он, какие сегодня оно будет поставлять привидения!

– Вы утверждаете, что это привидения? – спросил Рахманин толстого лейтенанта.

– Я ничего не утверждаю, – ответил тот. – Я только знаю, что все это не пустые разговоры. И ни в одном городе это не встречается в таких количествах, как у нас. Кроме, пожалуй, Торжка.

Рахманин подумал, что этот парень мог бы здорово помочь, если бы его удалось в это дело вовлечь. Но еще он подумал, что чем меньше людей знает о его расследовании, тем лучше.

Он пожал руки милиционерам и отправился в гостиницу.

Покровские страсти

Как это ни странно, в покровской гостинице «Покровск» было сколько хочешь свободных мест.

Рахманин так и не знал – оставаться ли ему здесь или ехать в родной Зеленгород к капитану Матвееенко. Ему уже было о чем рассказать, но все это пока умозрительный рассказ, а действий нет никаких.

Поэтому он взял самое дешевое место в гостинице и отправился исследовать Никольское кладбище. Благо был день, было солнечно и нестрашно.

В маленьких городах все рядом, и непонятно, почему местные жители так любят пользоваться автобусами. В любое время дня они идут набитые, как дураки, под самую крышу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.